

ДИНА ШИНИГАМОВА

ЖЕСТОКОСТЬ

КРОВЬ ДОМА
БАЗААРД

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИ∞

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Часть I	13
Часть II	205
Часть III	427
Часть IV	785
Эпилог	1014
Благодарности	1018

1

Жизнь — вещь непредсказуемая.

Вот машина с маленькой семьей — мама, папа и двенадцатилетняя дочь — едет по шоссе, возвращаясь в город после выходных. Дождь льет стеной, а в машине тепло и сухо, и барабанившие по крыше и стекающие по стеклу окон капли только усиливают ощущение уюта. Девочка на заднем сиденье отрывает взгляд от телефона, пытается разглядеть дорогу через лобовое стекло, но дворники не справляются, видимость почти нулевая, и она возвращается к чтению ленты новостей.

Раз.

Два.

Три.

Визг тормозов.

Мать вытягивает руку назад, пытаясь закрыть глаза дочери, чтобы та не видела несущуюся на них фуру и ужас на ее собственном лице.

Отец впивается побелевшими пальцами в вывернутый руль, пытаясь увести машину на другую полосу.

Удар.

Скрежет. Столь громкий, что заглушает играющую в наушниках девочки музыку, заглушает шум ливня за окном, заглушает весь мир вокруг, и не остается ничего, кроме этого скрежета.

Потом были взволнованные голоса и внимательные взгляды взрослых в униформе — врачей, спасателей, пожарных, — долгое и бессмысленное ожидание в машине скорой помощи, пока доктора осматривали ее, стремясь убедиться, что им не показалось: девочка действительно отделалась лишь шоком и несколькими царапинами.

Она смотрела в одну точку, когда ей светили в глаза фонариком, когда поворачивали, попутно задавая вопросы, стараясь добиться хоть какого-то ответа, — до тех пор, пока не заметили на безвольно лежащей на коленях руке специальный браслет.

Она смотрела в одну точку и пыталась не видеть, как все не стихающий ливень старается и не может смыть с асфальта алое пятно крови.

Смотрела в одну точку, пока ее везли в больницу, пока там новые врачи повторяли прежние действия, пока сидела на кушетке, словно провалившись в вакуум реальности, откуда-то издалека слыша чужие голоса и трели телефонных звонков. Пока в ее ушах все еще стоял этот невыносимый скрежет.

Молодой врач, взяв за руку, словно маленького ребенка, вывел ее из палаты и усадил в кресло рядом с постом медсестры. На секунду замешкавшись, будто надеясь в последний момент найти кого-то, кто займет его место, он все же опустил перед ней на корточки. С трудом подбирая слова, сообщил, что скоро приедут люди из соцслужбы, что она не останется одна.

На этой фразе она подняла на него взгляд и посмотрела прямо в глаза. Зрачки за стеклами очков дрогнули, взгляд врача перескочил с левого ее глаза на правый и снова на левый, словно удостовераясь, что ошибки нет и они действительно разного цвета. Он замолчал на полуслове,

вздыхнул, повторил, что ему очень жаль, и ушел, испытывая искреннее облегчение оттого, что этой девочкой теперь займется кто-то другой.

Она сидела, смотрела в одну точку и катала в мыслях слово «сирота». Оно всплыло само, откуда-то из подсознания, будто жило там всегда и лишь ждало момента, когда понадобится, и вот теперь появилось — серое, как застиранная футболка, перекрученное, пронизанное сквозняками.

Коридор — казенный оттенок голубого на стенах, лампы дневного света на потолке, белый кафель на полу. Запах антисептика в воздухе, гул посторонних голосов.

— Ты Лилиан, Лилиан Томпсон? — Медсестра, Роберта, судя по бейджику, встала рядом и, помолчав секунду, поставила на соседнее кресло бумажный стаканчик с мутной коричневатой жижой. — Это какао. — Она замялась на мгновение, не зная, что еще сказать, и добавила: — Иногда от теплого питья становится легче.

«Боже, ну я же не простыла!» — подумала Лилиан, поднимая глаза на Роберту и устало отмечая привычное движение ее взгляда. Ей подумалось, что мама бы оценила всю глупость и бестактность, присущую людям, но следом из вязкого тумана, царящего в ее сознании последние часы, проступила мысль: «Мамы больше нет», — и Лилиан задохнулась.

Простая истина — родителей больше нет, родители мертвы — то всплывала в ее мозгу, то уходила куда-то в темные глубины сознания, позволяя обращать внимание на всякие ненужные мелочи. Обертка от конфеты скользит по кафелю коридора, подгоняемая сквозняком от постоянно открываемой двери; голубая краска на стене облупилась около туалета — видимо, по ней постоянно ударяют ручкой, выходя; лампа дневного света мигает раз в десять секунд.

Лириан медленно вдохнула, вцепившись пальцами в край сиденья. Она чувствовала, как что-то огромное внутри нее нарастает, режет внутренности, раздувается, становясь все больше и больше, крошит кости, дробит мысли, и знала, что, когда это что-то вырвется наружу, она уже не сможет с ним совладать, и слезы польются ручьем, и им не будет конца — но пока упрямо сопротивлялась, сама не зная зачем.

Она не плакала в салоне искореженного автомобиля, откуда ее вырезали спасатели, не плакала в машине скорой помощи, не плакала в палате — не заплачет и из-за чашки водянистого какао.

Юридически она не была полной сиротой: где-то за много километров отсюда существовали родители ее отца, Генри, переставшие общаться с сыном после его женитьбы. Отец Лириан происходил из «приличной семьи», и достойных Томпсонов не устроил его брак с «чернявой бродяжкой», никогда не говорящей о своих родителях. Не смягчило их и рождение внучки, а уж когда они узнали о ее «особенностях», то не поскупились на красноречивые комментарии.

Текли минуты — звенел телефон, уходила и возвращалась Роберта, периодически пытаясь о чем-то заговорить с Лириан, перегнувшись через стойку сестринского поста; перепрыгивала на следующее деление прямоугольная стрелка на круглых часах, висящих на стене; ходили мимо люди, чей мир не изменился этим утром, не рухнул, не рассыпался осколками стекла.

Остывал нетронутый какао.

Лириан сидела, вцепившись пальцами в край кресла, и смотрела в одну точку, пытаясь не видеть сквозь чистый белый кафель алую лужу на асфальте, по которой бьют тугие струи дождя.

— Я пришел за девочкой.

Голос, низкий и густой, прокатился по коридору, каким-то образом заглушая все остальные звуки, подобно тому как набежавшая волна смывает следы с песка.

Лилиан повернула голову.

Напротив Роберты, будто разом заняв все свободное пространство, несмотря на средний рост и худощавое телосложение, стоял мужчина.

На вид ему было лет шестьдесят, гладкие черные волосы с намечающимися залысинами убраны в низкий хвост, на висках серебрится абсолютная седина. Он стоял к Лилиан в профиль, и она скользнула взглядом по крупному орлиному носу и твердой линии губ, придающих ему властный вид. Смуглая кожа лица испещрена глубокими морщинами, однако не наводящими на мысли о старости или немощности. Большие черные глаза требовательно впились в медсестру, которая невольно попятилась под этим прямым взглядом, рассматривая странного посетителя. Лилиан, на одну благословенную секунду забыв о событиях этого дня, подалась вперед, разглядывая одежду незнакомца.

Расстегнутый черный камзол являл миру темно-фиолетовую жилетку, надетую на черную рубашку с расстегнутым воротом, которая заканчивалась черным же шейным платком с серебристо поблескивающей брошью. Черные брюки опускались на сверкающе-черные ботинки, а рядом с ними в пол упиралась эбеново-черная трость с навершием в виде серебряного черепа какой-то птицы. Мужчина слегка опирался на нее длиннопалой рукой с выступающими венами, пропуская клюв между пальцев; на безымянном блеснул перстень с зеленым камнем.

Медсестра, чуть приоткрыв рот, изучала новоприбывшего с нескрываемым удивлением, и он, видимо раздосадованный ее молчанием, медленно выдохнул, отчего его хищные ноздри чуть дрогнули.

— Я. Пришел. За девочкой, — повторил мужчина раздельно, будто разговаривая с неразумным ребенком. — Где она?

Роберта мотнула головой, словно пытаюсь прогнать наваждение, и растянула губы в дежурной улыбке.

— За какой девочкой, сэр? Как вас зовут? Можно увидеть ваши документы?

— Меня зовут Джеймс Кроу, — произнес мужчина со спокойным достоинством человека, чье имя открывает любые двери. Вопрос про документы он проигнорировал. — И я пришел за Лилиан Томпсон.

Брови Роберты взмыли вверх, к прямой темной челке, и она посмотрела на замершую от удивления Лилиан. Джеймс Кроу, проследив за ее взглядом, тоже повернулся к ряду кресел.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Джеймс — разглядывая ее, но без праздного любопытства, к которому она уже привыкла, а, скорее, с долей усталого интереса. Лилиан — пытаюсь вписать этого странного мужчину в окружающую реальность.

Он привычным движением упер перед собой трость, сложил на нее руки и коротко вздохнул.

— Ты пойдешь со мной?

Лилиан моргнула. Ее родители вели довольно уединенный образ жизни: в почтовом ящике появлялись только счета, по телефону звонили только с работы, и она не знала никого с таким именем. И все же...

Хлопнула входная дверь. Порыв воздуха прокатился по коридору, взметнул полы черного камзола, тронул тонкие пряди волос у лица Лилиан, обдавая ее запахом свежести после отшумевшего ливня и почему-то соли.

Что-то непонятное колыхнулось в ее сознании, и неожиданно для себя она кивнула.

— Я ее забираю. — Джеймс обернулся к Роберте с таким видом, будто пришел выбрать племенную кобылу и сообщал, что этот жеребенок ему подходит.

— Нет, так не делается. — Медсестра нервно заправила за ухо прядь темных волос, отпрянула, словно пытаясь оказаться подальше от этого человека. — Есть документы, бумаги, ее отправят к родственникам...

— Я и есть ее родственник, — спокойно оборвал ее Джеймс, — и все подпишу. — Он небрежно махнул рукой, словно давая понять, что это не стоит ему никаких усилий.

Роберта моргнула. Потом еще раз. Лилиан, подавшись вперед со своего места, с удивлением наблюдала, как пухлогубый рот медсестры чуть приоткрылся, а взгляд стал мутным и сонным.

— Х-хорошо... — проговорила она тусклым голосом, глядя куда-то мимо Джеймса, который неотрывно смотрел на нее, чуть наклонив голову вперед. — Б-бумаги...

— Не нужны, — спокойным, чуть скучающим тоном закончил за нее Джеймс.

Когда Роберта, опустив голову так, что волосы скрыли лицо, уткнулась остекленевшим взглядом в лежащие на столе больничные карты, он вновь повернулся к Лилиан:

— Идем?

Шагая рядом с ним в сторону выхода, Лилиан поняла, что еще удивило ее в Джеймсе: он оказался единственным, чей взгляд не метался по ее лицу, кто не обратил внимания, что глаза у нее разного цвета.

Двери больницы выдохнули их на улицу, в по-вечернему шумный город. Больницу они покинули просто и быстро, никто даже не взглянул на мужчину в черном камзоле, никто не спросил, куда он ведет девочку в сиреневой

толстовке, держащуюся от него на некотором расстоянии и смотрящую себе под ноги.

Красные лучи солнца отражались от окон окружающих небоскребов, бросали блики на стены зданий, слепили зайчиками спешащих домой людей, которые торопились вернуться к своим семьям.

Лилиан по привычке задумалась о времени, прикидывая, когда отец вернется с работы, — и горло сжалось, а глаза защипало.

Никогда.

Мысль о потере обоих родителей еще не стала ей привычной — даже в своей дикости, — и Лилиан замерла в нескольких шагах от серо-белого здания больницы, хватая ртом воздух и до боли сжимая кулаки, чтобы не дать хлынуть слезам. Нет, не сейчас.

Джеймс, отошедший было на несколько шагов, обернулся и остановился. Он явно не привык ходить по улице с ребенком, с кем-то, кто не следует за ним просто потому, что сам он идет вперед.

Джеймс стоял и смотрел на Лилиан, чуть наклонив голову и сложив руки на своей трости, не пытаясь ни утешить, ни заговорить. Вздохнув, он подошел ближе.

Мягкий ветерок, к вечеру ставший прохладным, хоть весна в этом году и выдалась ранняя, чуть шевелил полы его камзола, длинные солнечные лучи придавали смуглой коже красноватый оттенок, делая его похожим на вождя какого-то древнего племени.

Взяв себя в руки, Лилиан дернула подбородком и вперила в мужчину тяжелый взгляд — странный порыв, заставивший ее в больничном коридоре встать и пойти с ним, почти прошел, и, хотя она не чувствовала от Джеймса никакой угрозы и, сама не понимая почему, была твердо уверена, что он не причинит ей вреда, причина его появления оставалась для Лилиан загадкой.

— Пойдем. — Его голос и здесь, на шумной улице, звучал четко и ясно.

И снова она послушалась, шагнула раз, другой — мелькнули носки ботинок с нелепыми лиловыми бабочками — и последовала за Джеймсом.

Они прошли до конца улицы, обтекаемые людским потоком, и повернули в небольшой пустынный переулок. Стоило им обогнуть здание, как уличный шум стих, будто они оказались в каком-то другом, существующем отдельно от гудящего мегаполиса месте, и Лилиан, оторвав взгляд от носков своих ботинок, удивленно вскинула брови.

У тротуара стояла не просто машина — это была крепость на колесах, будто появившаяся здесь напрямик из какого-то гангстерского фильма. Сияющий на солнце черный корпус, тяжелые «крылья» над широкими черными колесами, угловатые линии и дверцы, открывающиеся в обратную сторону. Такие автомобили Лилиан видела только на картинках и в кино. Она пораженно оглядела машину, скользнув взглядом по хромированным ручкам дверей и крупным круглым фарам, торчащим вперед и вверх, словно рожки улитки, и невольно попятилась.

Рядом с машиной стоял пожилой мужчина — простой черный костюм с фиолетовым ромбом на груди, фуражка и излишне прямая осанка выдавали в нем водителя. Он чуть склонил голову, здороваясь, и в его официально-отстраненном взгляде Лилиан заметила искорки любопытства.

— Спасибо, Рóшто, — кивнул Джеймс, когда водитель церемонным движением распахнул перед ними дверцу. Лилиан замешкалась: настороженность детей больших городов запрещала ей садиться в машину к незнакомцу.

Джеймс, положив руку на дверцу, чуть приподнял брови.

— Ты, конечно, можешь бежать за машиной, но путь неблизкий.

Лириан вскинула на него гневный взгляд, шумно выдохнула через нос — и сдалась.

Внутри монструозное авто оказалось не менее впечатляющим, чем снаружи: кожаные сиденья, панели из вишневого дерева, медь и бронза. Будь этот день обычным, Лириан бы не переставая крутила головой и радовалась возможности прокатиться на такой машине, но сейчас она, устало откинувшись на сиденье рядом с Джеймсом, лишь отстраненно отметила про себя необычность обстановки и уперлась взглядом в спинку переднего кресла.

Машина шла плавно, словно неровности асфальта ее ничуть не беспокоили, и вскоре они покинули знакомый Лириан район. По мере того как солнце опускалось за горизонт, мелькающие за окном улицы выглядели все более холодными и чужими, небоскребы постепенно уступали место обычным жилым домам, а те становились все ниже и появлялись все реже. День стремительно угасал, в воздухе уже разлились синие чернила подступающей ночи.

Они ехали уже больше получаса — в полной тишине. Джеймс хранил молчание, неотрывно смотря вперед и поглаживая птичий череп на своей трости. Лириан пару раз бросила на него быстрый взгляд и снова устала прямо перед собой — что-то в его позе, в манере держаться, несвоейственной пожилым людям, *не дающей* думать о нем как о пожилом человеке, словно заставляло сохранять дистанцию.

— У тебя, полагаю, много вопросов, — наконец подал голос Джеймс. Лириан чуть вздрогнула от неожиданности и обернулась к нему. — Отвечу на главные.

Джеймс замолчал, будто собираясь с мыслями. Тени, проникающие через окно машины, скользили по его лицу, то скрывая морщины, то подчеркивая блестящую черноту глаз.

— Да, я действительно твой родственник. Нет, я не причиню тебе вреда, ты моя кровь и к тому же совсем *детеньши*.

Лириан смотрела на него, не шевелясь и никак не реагируя. Бросив мимолетный взгляд на пейзаж за окном, Джеймс продолжил:

— Мы едем ко мне домой. Точнее, теперь к нам домой, потому что жить ты будешь со мной. Да, ехать далеко. — Он сделал паузу и посмотрел прямо на Лириан. — Меня зовут Тиор Базаард. Твоя мать была моей дочерью, но не вздумай называть меня дедушкой.

Наверное, Лириан нужно было удивиться. Попытаться выяснить что-то. У них в семье бытовало негласное мнение, что ее мать, Джулия, — сирота и что о родителях не рассказывает ничего потому, что потеряла их каким-то чудовищным образом. В другой ситуации Лириан, скорее всего, задала бы массу вопросов, но сейчас лишь кивнула, опустошенная и, казалось, разучившаяся испытывать сильные эмоции.

Какое-то время она просто сидела не шевелясь, подложив под себя руки и уперев взгляд в вишневую обивку переднего сиденья.

У мамы был отец. У мамы *есть* отец. А вот самой мамы — мамы больше нет.

То огромное, что медленно заполняло все ее существо с момента аварии, с момента, когда она, открыв глаза, увидела безжизненно повисшую между сиденьями мамину руку, вдруг развернулось, заполняя ее до конца, без остатка, навалилось, поглощая, топя в своей вязкой бесконечности, впивающейся в нее миллиардами бритвенных лезвий, и из глаз Лириан хлынули слезы. Она опустила лицо в ладони, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, пытаясь понять как, *как* это могло произойти, как ей жить теперь в мире, где нет странных маминых сказок

по вечерам; нет огромных порций мороженого по пятницам, которые отец покупал на всех по пути с работы; нет маминого голоса, требующего не заходить к ней в мастерскую без стука; нет запаха растворителя и крохотных мазков масляной краски на ее одежде и коже, которые она не заметила и не оттерла; нет папиных утренних поисков ключей от машины, нет его ставшего ритуальным каждодневного обещания купить батарейки в кухонные часы; нет препирательств родителей о том, можно ли ей шоколадные хлопья перед сном; нет даже их ссор — нет ничего, что она привыкла считать своей жизнью.

С какой-то неумолимой отчетливостью Лилиан поняла, что никогда больше не увидит свой дом, свою комнату, свои игрушки, что эта дорога — ее прощание с привычным укладом дней, что эта огромная черная машина уносит ее не просто от родного города, но от всей ее жизни, которая теперь навсегда осталась в прошлом и уже никогда не будет прежней.

Слезы текли и текли, пока легкие не заболели от судорожных всхлипов. В груди образовалась пустота, в мыслях — тягучая вата.

Когда она оторвала руки от лица, то увидела, что Тиор протягивает ей платок. Он смотрел на нее еще пару секунд, а затем, вздохнув, вновь устремил взгляд вперед, на летящую перед ними дорогу.

Лилиан, рассеянно сминающей в руках платок, показалось, что в отстраненном выражении лица его что-то изменилось, и даже чеканный профиль выглядит теперь не таким жестким.

Когда Тиор вновь заговорил, не отрывая глаз от дороги, Лилиан вздрогнула от неожиданности.

— Я не видел твою мать пятнадцать лет. Но это не значит, что я ничего не чувствую. — Он помолчал и повернул к ней голову — тяжело, медленно, словно через силу

признавая, что горе Лилиан касается и его. — И на самом деле ее звали Джабел.

Они ехали долго. Коттеджи сменились полями, деревьями, ночь окончательно завладела миром, укутав его черным бархатом. Лилиан, измученная событиями этого дня и убаюканная мерным движением машины, заснула, прислонившись головой к окну.

З Тиор Базаард смотрел на девочку, которая заснула, отдавшись на милость усталости. Не таким он представлял свое потомство. Но вот оно, непредсказуемое влияние человеческой крови: волосы не черные, как у него самого или ее матери, а каштановые, кожа хоть и кажется оливковой, на самом же деле светлее и просто загорела...

Тиор вздохнул.

Что же ты наделала, Джабел?

Он любил дочь. Правда любил. Внимания ей и Лимáру доставалось поровну — как и наказаний. Сын со временем должен был занять его место, а до того гордо носить титул *шибét*, наследника. Лимар полностью был предан их быту, их жизни, их народу. В нем Тиор никогда не сомневался.

Но Джабел была другой — с юности. Как только ей разрешили самостоятельно передвигаться по внешнему миру, она стала проводить там слишком много времени. Читала книги, написанные людьми, завела какие-то знакомства, назвавшись Джулией. Потом уговорила его отпустить ее учиться рисованию в человеческий университет, аргументируя просьбу тем, что в их среде нет достойных учителей и ее талант просто умрет. Справедливости ради стоило признать, что это было правдой:

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

